

Глава 7

Социальный портрет поколений

Исторические поколенческие общности в России всегда имели большое значение и были первичной формой самоидентификации личности (поколение декабристов, разночинцев, революционеров). На протяжении предшествующих десятилетий авторитарного общества советского типа и отсутствия возможностей индивидуального выбора закономерной была заданность «исторической судьбы» людей одного поколения (построение жизни согласно принципу «иного не дано»). Детерминированность как фатальная зависимость индивидуальной судьбы от исторической локализации всего поколения закреплена в русском языке лингвистически. В русском языке есть только одно слово для обозначения жизненного пути — «судьба», тогда как, например, в английском существуют два понятия: «fate» (фатальность, рок, обреченность) и «destiny» (предназначение, выбор своего пути, жребий). Поэтому историческая предопределенность индивидуальных жизненных путей является более ощутимой. Отсюда неудивительно, что в период кризиса всех предшествующих советских идентичностей с большими социальными группами «солидарность с людьми своего поколения» — единственная из идентичностей, которая сохранила свою значимость в общественном сознании.

Результаты опроса в таблице 7.1 демонстрируют, что идентичность со своим поколением почти одинаково остро ощущается людьми всех возрастов, является существенно значимой для боль-

шинства в каждой из групп, лишь несколько усиливаясь в крайних возрастных группах.

«Поколение» относится к тем социальным понятиям, которыми легко оперирует общественное сознание на уровне повседневности. В настоящее время наблюдается всплеск подобного интереса. Вследствие этого неудивительно, что массовым сознанием проблематика поколений рефлексирована достаточно активно. Во всероссийском исследовании ВЦИОМ (Мониторинг-2001, август, выборка: 1600 человек) на открытый вопрос о характеристике своего поколения было получено в целом более 44 агрегированных характеристик своего поколения, при неответивших 8%.

Общий принцип социологического анализа поколений, заложенный К. Манхеймом, состоит в дифференцированном подходе к ним как относительно автономным социальным общностям, объединенным общей исторической судьбой и, соответственно, общим историческим опытом.

В рамках данной главы основное внимание сосредоточено на описании поколения как сходного жизненного опыта возрастных генераций, трансформирующегося по мере перехода от одной жизненной стадии к другой. При этом понятие динамики жизненного пути от отрочества (наиболее важного, «формативного периода» в становлении поколения как общности) до старости становится центральным при выстраивании моделей (или паттернов) поколений¹.

На основе такого подхода представлен описательный анализ социально-исторических характеристик условных поколений «дедов», «отцов» и «детей», составляющих современную возрастную стратификацию российского общества.

Для построения статистически обоснованных моделей поколений в России не хватает долговременной статистической информационной базы. Поэтому основой типизации будет служить сходная матрица жизненных практик людей,

Таблица 7.1

Как часто вы чувствуете себя человеком своего поколения?

Ответ	Возраст				
	18–29 лет	30–39 лет	40–49 лет	50–59 лет	60 лет и старше
Всегда	57,5	44,5	46,5	47,2	56,1
Часто	27,2	31,9	24,7	29,6	20,4
Редко	6,9	11,8	14,8	10,2	6,2
Никогда, почти никогда	0,6	0,0	2,9	1,1	3,0
Затрудняюсь ответить	7,8	11,8	11,1	11,9	14,3

Источник: Мониторинг ВЦИОМ, август 2001. Выборка: 1600 человек.

принадлежащих приблизительно к одной возрастной группе. Такие практики нормативно закрепляются в определенной конфигурации общего биографического пути поколения (когда и как получать образование, жениться, менять место жительства, сколько иметь детей и т. д.). В обобщенном портрете поколений основной упор будет сделан на описании особенностей жизненного пути и поведенческих характеристиках в период последних 15 лет, а также на описании кризиса и ломки жизненных ценностей под влиянием социально-исторических изменений. Культурные и социальные доминанты поколений будут продемонстрированы как следствие определенных социально-исторических условий в период формирования жизненного потенциала поколений.

Жизненные пути и современное социальное самочувствие поколений

Обычно выделяют четыре основных социально-исторических типа поколений в российском обществе: дореволюционное (1900-е годы рождения), советское (1920-е годы рождения, «деды»), среднее (1950-е годы рождения, «родители») и «дети» (1970-е годы рождения)². Поскольку «дореволюционная генерация» уже не является статистически значимой в силу демографических причин, мы исключаем ее из данного описания.

Советское поколение (приблизительно 1920-е годы рождения) — это те, кто вступил в активную социальную жизнь в 1930-х годах и занимал ключевые позиции в экономике до середины или конца 1960-х годов. Фактически их можно охарактеризовать как «поколение индустриализации»³. Идеологизированная система образования в условиях жесткой информационной блокады способствовала распространению нормативно-ориентированной модели «советского человека». Эти люди подростками вошли в период демонстрации побед советского строя; война со всеми ее бедствиями осталась в массовом сознании «осевым событием» — пиком героического периода истории, кульминацией силы и единства державы. Героем этого поколения был «строитель государства нового типа», по социальному статусу — преимущественно промышленный рабочий с «де-

ревенской» ментальностью в своей генеалогии (более чем у 80% этого поколения родители были выходцами из деревни) и с «державным» типом идентичности (как ассоциация себя с государством, с Россией в целом). Исследователи считают это поколение носителями «проекта коммунистической модернизации России».

В исследовании 2001 года представители этой возрастной группы ассоциировали себя с теми, кому 60–90 лет. В открытом вопросе они определяют свое поколение прежде всего в связи с его определенной социально-исторической локализацией. По их мнению, общая судьба поколения основана на том, что они «люди военного времени», «дети войны», «люди, пережившие многое»; они называют себя также «поколением крестьян» или «стахановцами». Закономерно, что данная возрастная группа демонстрирует наибольшую приверженность ценностям советского строя и испытывает естественную ностальгию по нему.

Социальные и экономические стрессы последнего времени, и прежде всего разрушение системы социальной защиты в ее прежнем виде (сокращение сферы социальной помощи, социальных льгот и бесплатных услуг, низкий уровень пенсий и их несвоевременная выплата во многих регионах России), привели к существенному ухудшению положения старшего поколения. Теперешнее социальное самочувствие старшей возрастной генерации вытекает из ощущения своего положения на обочине социальной жизни. Эмоциональная самооценка своего состояния явно негативна: преобладает состояние угнетенности, близкое к состоянию социальных изгоев. В открытом вопросе на первых местах в этой возрастной группе преобладали характеристики (перечислены по степени распространенности в данной возрастной группе): «никому не нужные», «всеми забытые», «обманутые», «беззащитные», «замученные», «больные» (всероссийский опрос ВЦИОМ, август 2001 года).

Хотя, с другой стороны, в общей характеристике своего поколения опрошенные выделяют также блок личностных характеристик, демонстрирующих их гордость за свое поколение и его прошлые достижения. Они называют себя «тружениками», «порядочными и ответственными».

ми людьми», «патриотами», «людьми старой закалки», «последними порядочными людьми, много лучше, чем теперешние».

Среднее поколение (приблизительно 1950-е годы рождения), которое условно можно назвать «родители», находится в жизненной стадии активного участия в социальных процессах как в сфере производства, так и в системе власти. Недаром для своей субъективной характеристики они чаще других называют характеристики «труженика», «работоголика», «добросовестного» и «трудолюбивого» человека.

Это поколение исследователи считают «средним»⁴ не только в возрастном отношении, но и как среднее звено, определяющее характер перехода от коммунистической к либеральной модернизации. По своему социокультурному типу оно также сформировалось в рамках «коммунистического проекта», но в период перехода к индустриальному обществу и массовому образованию. Бурно росли крупные города, формировалась городская культура, наступала эпоха информационного общества (появление телевидения, первый полет в космос). В сознании этой генерации тесно переплетены социалистические и либеральные идеалы, тяга к прогрессу, с одной стороны, и интерес к своим культурно-историческим корням — с другой. Этот интерес был закономерным следствием не только высокого уровня образования среднего поколения, но и существенно более благоприятных, чем у их «отцов», политических и экономических условий социализации. Однако — в силу сужения рамок социальных возможностей и закрытого характера социальной мобильности — в начале 1970-х годов происходит переориентация поколения на частную сферу, семью, потребительство. Отличительными чертами ценностной базы генерации стали «литературоцентризм», критический настрой по отношению к власти и ориентация на «постматериалистические» ценности (в соответствии с терминологией Р. Инглхарта, это означает комплекс интеллектуальных, эстетических и нравственных ценностей).

Кульминационными событиями жизненного пути среднего поколения стали два «либеральных пика» — «оттепель» 1960-х годов, под влиянием которой про-

исходила его социализация в формативный период, и расцвет гласности конца 1980-х — начала 1990-х годов (хотя в обоих процессах поколение выступило как объект воздействия, а не как субъект участия). В дальнейшем, в ходе экономических реформ начала 1990-х годов, наблюдается активная культурная ресоциализация людей среднего возраста. Это проявилось как социально — в волне нисходящих социальных перемещений, охвативших большую часть генерации, так и культурно — как переосмысление привычной культурной парадигмы и прежней ориентации на статусные достижения.

Поколение теперешних 40–50-летних можно считать «потерянным» в волнах трансформации и «борьбы за выживание». В данном случае это произошло не в формативный период, а на более поздних стадиях жизненного пути. Социальным результатом такого перелома стала массовая маргинализация поколения. В целом его можно назвать поколением социокультурного перелома. Оно не стало массовой основой или социальным субъектом для проведения институциональных преобразований, а попало «в расщелину» между двумя тенденциями, при этом общая культурная доминанта больше тяготеет к традиции, чем к новациям. В результате социальное самочувствие людей среднего возраста свидетельствует о глубоком социально-эмоциональном кризисе, который сказывается и на социальном здоровье поколения как одним из показателей человеческого потенциала людей среднего возраста.

Социологические данные свидетельствуют о том, что среди людей так называемого среднего возраста наблюдается существенная внутренняя дифференциация, основанная на разнице в субъективном переживании своего прежнего биографического опыта и теперешнего положения. Опрошенные ассоциировали себя не столько со всей группой «среднего возраста», но более узко, прежде всего с людьми определенного десятилетия.

50–60-летние скорее склонны воспринимать себя жертвами перестройки, испытывающими ностальгические чувства по отношению к несостоявшемуся прошлому. По своей социально-исторической локализации они ассоциируют себя прежде всего с «детьми войны», с

«советскими людьми», с «комсомольцами», «с людьми, выросшими при советской власти». Разрыв между высоким человеческим потенциалом поколения и возможностями для его реализации оказал наиболее болезненное влияние на поколение. Социальный перелом и последующая трудная ресоциализация в состоянии уже зрелого возраста заставила их состариться раньше времени. В социальном самочувствии преобладают негативные оценки и переживание страдания: «терпеливое», «измученное», «обманутое», «выносливое» поколение. Хотя наблюдается также и определенный социальный оптимизм, связанный в основном с прошлыми надеждами: «поколение энтузиастов», «люди с опытом», «патриоты», «порядочные люди», «труженики». В целом преобладает пассивное состояние «принесенных в жертву».

40–50-летние в своем социальном самочувствии близки к более старшей группе 50–60-летних, но больше других демонстрируют раннюю социальную усталость и чувство потерянного поколения, находящегося на переломе двух эпох. Социально-исторически они локализируют свой социальный опыт как «строители коммунизма», «люди брежневской эпохи», «поколение 70-х годов», «романтики перестройки» и «жертвы перестройки». Как видно, их прошлый социальный опыт неоднозначен и противоречив, что отражается в противоречивости их современного социального самочувствия. Меньшая, но более социально-успешная часть считает, что люди их поколения «надеются только на себя», они «умные и мудрые», тогда как большая часть (социальные жертвы) употребляет такие суждения, как «люди моего возраста «безвольные и доверчивые», «брошенные государством на произвол судьбы», «духовные рабы». Они наиболее остро ощущают потери в материальном положении своей возрастной группы и характеризуют себя как «бедное, нищее поколение». Здесь социальная апатия и аномия проявляются наиболее ярко.

В самооценках группы **30–40-летних** чаще используются понятия, связанные с новой экономической ситуацией: «устойчивые, стабильные», «предприимчивые», «деловые люди и предприниматели», «трудоголики». Однако встречаются

и противоположные оценки: «поколение выживания», «растерянное». Люди этой возрастной группы для своей характеристики используют прежде всего определения «надежные», «целеустремленные», «способные сами решать свои проблемы», «умные, талантливые», хотя присутствует и ощущение своей социальной невостребованности («ненужные»). В своем социальном опыте они упоминают как «советское воспитание», «комсомольское прошлое», так и переходные характеристики – «поколение переходного времени» и «дети перестройки». Активный, субъектный потенциал этой возрастной когорты выражен здесь наиболее ярко.

Как видно, социальный потенциал всех поколенческих союзов в рамках среднего поколения неоднозначен и фрагментирован внутри отдельных групп поколения. В целом это свидетельствует о том, что все люди среднего возраста в разной степени испытали противоречивое воздействие переходного периода, вместе с тем все группы в своей взрослой теперешней жизни все еще находятся под социализирующим воздействием советской эпохи. Доминирующими моментами их самочувствия являются оценка соотношения между прошлыми потерями и теперешними личностными достижениями, а также определенный возрастной цикл. У более старших это состояние субъективно ощущается как «преждевременная старость» и «принесение в жертву» (50–60-летние), у средних – как «социальная усталость» и апатия (40–50-летние), а у младшей группы среднего возраста как «устойчивая стабильность» (30–40-летние). Заметно также нарастание у более молодых ощущения собственной поколенческой активности как субъекта: от патерналистского восприятия себя в качестве «пассивной жертвы» до активной самооценки собственных возможностей.

Тем не менее все описанные возрастные генерации в социокультурном отношении относят себя скорее к социалистическому, чем к либеральному проекту⁵. Совокупность характеристик «советского человека» лишь сдвигается к социальной «периферии», наиболее прочно задерживаясь в самых старших возрастных группах («деды»), переживая острый конфликт и кризис распада у «отцов» и заметнее отторгаясь более молодыми.

Дифференциация молодежной когорты

Поколение «детей» — это те, кто, родившись после 1970 года, подростками встретили первые попытки социальных изменений второй половины 1980-х годов, с их противоречиями, конфликтами ценностей и интересов, а также с начинающими приоткрываться новыми возможностями. В целом это пока «молчащее» поколение. Только по прошествии 10–15 лет после окончания формативного периода поколение заявляет о себе как о социальном феномене. В этом смысле о реализации потенциала мы можем говорить только относительно более старшей молодежной группы, которая приближается к 30-летию.

Процессы последнего десятилетия способствовали существенно более быстрому обновлению облика поколенческих когорт и существенной внутренней дифференциации генерации тех, кого называют поколением «детей». Понятно, что достаточно трудно провести четкие демографические границы отдельных качественно отличных возрастных когорт. Тем не менее для целей сравнительного анализа можно условно выделить две возрастные подгруппы на основании основного критерия — исторически-специфического опыта в формативном периоде: когорта начала — середины 1970-х и когорта конца 1970 — начала 1980-х годов (поколение «икс»).

Старшую молодежную когорту можно назвать молодежью начала реформ. Хронологически это те, кто родился в начале — середине 1970-х годов. Период их ранней социализации (10–15 лет) совпал с началом перестройки (1985 год) и периодом активной публичной критики исторического наследия «отцов». Главным социализирующим фактором для этой когорты можно считать изменение ситуации в области СМИ, прорыв информационной блокады и лавинообразное нарастание бума низвержения ценностных нормативов прошлого и существовавшей системы власти. Для подрастающего поколения такое низвержение происходило прежде всего в сфере неформального общения: через разговоры в семье, разговоры со сверстниками. Молодое поколение, как наиболее чувствительное, ста-

ло главным объектом интенсивного и целенаправленного идеологического воздействия. С другой стороны, система образования того времени, в рамках которой формировалась когорта, была все еще по инерции ориентирована на советскую идеологическую систему. Только в конце 1980-х годов из школы исчезли привычные атрибуты пионерской и комсомольской организаций.

Всеобъемлющий и нарастающий социальный нигилизм по отношению к традиционным ценностям родительских поколений — патерналистское государство, пренебрежение благосостоянием во имя общего блага, коллективизм, антизападный настрой — составляют специфику ценностного излома этой когорты на рубеже 1980–1990-х годов, формируют ценностный нигилизм как характерную черту. В интервью с представителями этой когорты основной мотив выбора жизненного пути формулируется прежде всего как отказ от ценностей родительского поколения — «нежелание жить так, как жили родители».

В начале 1990-х годов им было 15–20 лет. При открытии новых экономических возможностей частного предпринимательства и быстрого обогащения эта когорта отказывается от долговременных образовательных планов. В начале 1990-х годов (1990–1993) лавинообразно упали конкурсы в вузы и престиж высшего образования как такового. Большинство вступило на рынок труда без этапа получения высшего образования, и уже на старте жизненного пути получило преимущества на рынке труда, где в тот момент открылся широкий выбор новых рабочих мест, связанных с мелким предпринимательством. В результате в конце десятилетия когорта несколько отличается от других групп по показателям занятости в качестве технического и обслуживающего персонала (на 6% больше) и по более низким показателям безработицы.

В конце десятилетия (2000 год, когда возрастной группе 25–30 лет, сейчас она переходит в разряд молодых взрослых) материальное положение этой возрастной группы оказывается существенно выше, чем в начале десятилетия. По уровню материального благосостояния это самая выигравшая возрастная группа за последнее десятилетие. Около по-

ловины опрошенных этого возраста считают, что они уже адаптировались к переменам и ожидают в области благосостояния дальнейших «перемен к лучшему». Большинство выступает за переход России к рыночной экономике⁶.

В целом когорту можно назвать нигилистской, поскольку она полностью отвергла как постматериалистические ценности родительского поколения, так и их образовательные и статусно-ориентированные стратегии. В результате когорты оказалась выигравшей на рынке труда и в уровне доходов, она удачно адаптировалась к рыночным отношениям. Однако она не стала носителем иных инновационных матриц или моделей в социокультурном смысле, а выступила скорее разрушителем старых.

Самая юная группа — **поколение «икс»** — это те, кто родился в конце 1970 — начале 1980-х годов и чей формативный период падает на десятилетие экономических реформ 1990-х годов, в результате чего государственная и социальная система приобрела качественно иные черты.

В настоящее время таким молодым людям около и меньше 20 лет, и большая часть из них находится в рамках системы образования. Самую юную возрастную группу пока невозможно описать в достаточно обоснованных социологических понятиях, можно обрисовать только потенциальные возможности этой поколенческой группы исходя из тенденций, выявленных при описании более старших возрастных групп и общих исторических предпосылок для формирования ее возможных отличий от предыдущих поколений (вставка 7.1).

Наиболее важными отличиями этой возрастной группы от более старших являются:

1. Социально-исторические условия социализации самой юной группы. Это первая генерация, которая не имеет возможности на собственной практике сравнивать потенциальные преимущества и слабости двух социальных систем, тем более что и родительский опыт (также как и опыт предыдущих поколений) не является для них основой для воспроизводства и теряет свою ценность в новых условиях. Поэтому ориентация «на прошлое» или ностальгия по нему фактически к ней не применимы. Повседневный

Вставка 7.1

Для описания общего гипотетического образа этого поколения правомерно использовать подход известной французской исследовательницы Атиас-Донфу (Attias-Donfut), которая писала, что «конфронтация и оппозиция присущи возникновению любого нового поколения, которое, чтобы существовать, должно стремиться к автономии и обособляться от предыдущего поколения. Так вырисовываются первые контуры социального образа поколения. Отношение или контротношение дается предыдущим поколением, этим отношением оно порождает новую сменяющую его группу людей, которая требует определения и пополнения своего собственного образа».

жизненный опыт когорты в формативный период складывался на фоне растущего демонстративного неравенства в доходах, в уровне и стилях жизни. Возникли номинально высокие возможности «потребительского выбора» (вместо привычной в течение десятилетий ситуации товарного дефицита) при недоступности этих товаров для большинства из-за реально низкого уровня жизни.

Произошла ликвидация символической «границы» между Россией и остальным миром как с точки зрения информационной блокады (включая литературу, средства массовой информации, новые информационные технологии, неожиданное появление и вхождение рекламного бизнеса, а теперь и Интернета), так и с точки зрения реальной возможности «пересекать границу» для выездов за рубеж. Долгое время «пересечение границы» существовало вне мира повседневности для большинства советских людей.

Расширился круг социальных возможностей для индивидуальных «выборов» (включая, например, выбор образовательной системы, выбор места жительства и т. д.), что привело к отказу от патерналистского типа сознания. Это, как тенденция, уже присутствовало в ориентациях более старших возрастных когорт.

2. Образовательная ситуация. В 1990-е годы советская система, в том числе и образовательная, была основательно разрушена. Государство впервые за многие десятилетия не могло оказывать организованного идеологического воздействия на становление будущих поколений. Система образования из единой общегосударственной системы превратилась в систему воспроизводства социального неравенства в подрастающих поколениях. Социологические данные зафиксировали изменение в образовательных мотивациях поколения «икс». В области

ориентации на высшее образование «общекультурная мотивация» уступила место «узкопрофессиональной мотивации». На место ориентации — высшее образование как цель — пришла ориентация на образование как на средство достижения других, прежде всего профессиональных и материальных целей⁷. Исходя из этого образовательный потенциал поколения «икс» уже существенно отличается от более старших возрастных групп.

3. Ослабление влияния традиционно-социалистического образца на общественное сознание. Длительный период постепенного разрушения старого паттерна закончился полным его отторжением в когорте нигилистов (25–29 лет) и ожиданием появления «нового». Разрушение старого должно с неизбежностью привести к появлению определенных инновационных моделей.

4. Ориентации в области профессиональной деятельности. Приоритетной становится прагматическая ориентация поколения «икс» на «интенсивный труд и материальный достаток» и «ориентация на открытие собственного дела». Эти две позиции самые молодые выбирают существенно чаще, чем следующие за ними 25–29-летние и чем в среднем по массиву. Самая молодая группа оказалась наиболее реалистично настроенной по отношению к рыночным реформам.

Новые условия периода социализации создают возможности и предпосылки для формирования в рамках самой юной группы молодежи иного социокультурного образца, качественно отличного от предыдущего, в рамках которого все еще находятся представители всех более старших возрастов.

Сравнительные характеристики поколений: реализация человеческого потенциала

В результате существенных различий в первоначальном человеческом потенциале и последующем жизненном опыте возрастных когорт за последнее десятилетие их современные жизненные позиции в обществе существенно различаются. Различия касаются прежде всего характера и степени адаптации к произошедшим социальным переменам, что проявляется в типах адаптивного поведения:

16–29-летние: **«Я живу, как и раньше, — для меня в последние годы ничего особенно не изменилось»** — почти каждый четвертый (23%) придерживается этой позиции;

30–39-летние, 40–49-летние: **«Мне приходится «вертеться», хвататься за любую возможность заработать, лишь бы обеспечить себе и близким терпимую жизнь»** — почти каждый второй (43% и 45%) в этих группах придерживается данной позиции;

50–59-летние, старше 60 лет: **«Я свылся с тем, что пришлось отказаться от привычного образа жизни, жить, ограничивая себя в малом и большом».**

Все представленные типы относятся, скорее, к приспособленческим, пассивно адаптивным типам поведения. Тем не менее фактически все возрастные группы придерживаются качественно иных типов приспособительных стратегий. Понятно, что молодежная когорта почти не имела опыта «доперестроечной» жизни, поэтому каждый четвертый придерживается позиции «ничего не изменилось». Средним возрастным когортам, находящимся в стадии активного участия в социальных процессах, приходится «много вертеться», с чем и связано их ощущение ранней социальной усталости. Старшие возрастные группы вынуждены придерживаться стратегии «минимальных затрат для выживания», отсюда их пессимизм и состояние «выброшенных за борт социальной жизни», о котором говорилось ранее⁸.

Достижительную позицию «Мне удалось использовать новые возможности, чтобы добиться большего в жизни» выбирает существенное меньшинство по всем возрастным группам, при этом данный показатель с возрастом постепенно снижается с 13% в молодежной группе до 0,6% в самой старшей возрастной группе (при среднем по массиву 7%).

Кто же из поколенческих генераций в результате оказался наиболее успешным в процессе социальных перемен? В таблицах 7.2 и 7.3 приводятся самооценки представителей разных поколений относительно их профессиональных и жизненных достижений в сравнении с родительским поколением.

Как и можно было предположить, наиболее успешными себя ощущают 30–39-летние. Момент вхождения на рынок труда совпал для них с ситуацией открывшихся широких социальных возможностей, за счет этого они получили социальный шанс наиболее адекватно реализовать свой человеческий потенциал.

Более высокий образовательный и человеческий потенциал старших возрастов (прежде всего по уровню жизненного опыта) не был адекватно реализован. Поколение попало в «расщелину» социальных перемен, было лишено социальных возможностей и поэтому не относит себя к успешным. В данном случае сказалось расхождение между собственным человеческим потенциалом поколений и социальными возможностями для их реализации. Выиграли те, кто имел исторический шанс воспользоваться представленными социальными возможностями.

Согласно высказыванию К. Манхейма, каждое социальное время полифонично, каждое поколение «озвучивает» всякий момент времени на свой лад. Исходя из этого закономерны различия в отношении разных поколений к наиболее острым современным социальным проблемам.

Таблица 7.4 и таблица 7.1 Приложения демонстрируют существенные межпоколенные расхождения в оценке одних и тех же явлений, особенно заметные при сравнении крайних возрастных групп — самых молодых и самых старших. В обществе происходят существенные социокультурные перемены, связанные прежде всего с его растущей открытостью и вхождением России в глобальное мировое пространство. О таких социокультурных переменах можно судить по изменениям в нормативно-ценностных ориентирах общества. Сам механизм такого изменения носит, скорее всего, «фазовый» характер, то есть захватывает молодых людей, постепенно распространяясь на более старшие возрастные группы⁹. Поэтому одни и те же социальные явления (или, точнее, носители этих явлений) в разных слоях общества — прежде всего возрастных — вызывают различные реакции. То, что вызывает активное негативное (протестное по своей сути) чувство социального «гнева, возмущения» у старших возрастов, отзывается, скорее, только «раздражением» у молодых. В молодых

Таблица 7.2

Согласны ли вы с утверждением: я более успешен в карьере, чем мои родители в моем возрасте

Ответ	Возраст				
	18–29 лет	30–39 лет	40–49 лет	50–59 лет	60 лет и старше
Согласен	46,7	58,0	52,5	52,0	48,6
Не согласен	43,5	34,2	37,7	35,4	28,1
Затрудняюсь ответить	9,8	7,8	9,8	12,6	23,3

Источник: Экспресс-10. ВЦИОМ, 13–18 августа 1998. Выборка: 1638 человек.

Таблица 7.3

Согласны ли вы с утверждением: я более счастлив, чем мои родители в моем возрасте

Ответ	Возраст				
	18–29 лет	30–39 лет	40–49 лет	50–59 лет	60 лет и старше
Согласен	34,1	42,1	29,8	29,6	36,2
Не согласен	43,4	38,1	46,5	41,8	37,3
Затрудняюсь ответить	22,5	19,8	23,7	28,6	26,5

Источник: Экспресс-10. ВЦИОМ, 13–18 августа 1998. Выборка: 1638 человек.

возрастах нарастает политическая либерализация общественного сознания и расширение круга социокультурной толерантности по сравнению с более старшими возрастами, что свидетельствует об общем векторе социокультурных изменений в обществе в сторону либерализации. Это касается также области межпоколен-

Таблица 7.4

Эмоциональная оценка острых социальных явлений «отцами» и «детьми»

Отношение	Какие чувства вызывают у Вас люди с портретом Сталина?		Какие чувства вызывают у Вас люди со свастикой, призывающие очистить Россию от иногородцев?		Какие чувства вызывают у Вас люди, разбогатевшие за последние 10 лет?	
	Возраст					
	18–29 лет	60 лет и старше	18–29 лет	60 лет и старше	18–29 лет	60 лет и старше
Уважение	8,3	20,4	7,8	2,5	22,3	1,3
Симпатия	1,7	15,3	4,2	2	14,7	2
Сочувствие	26,8	14,8	4,2	2,1	2	0,1
Зависть	0,2	0	0,8	0	17,3	3,1
Раздражение	24,4	10	23	13,9	13,5	33,4
Гнев, возмущение	9	7	40,6	52,9	11,4	38
Страх	3,2	1,6	9,4	15,7	2,1	4,8
Затрудняюсь ответить	30,5	33	21,7	17,9	24	21,7

Источник: ВЦИОМ, Исследование по программе «Советский человек», 1999. Выборка: 2000 человек. Респонденты могли выбирать более одного ответа.

Таблица 7.5

Интерес к политике

Ответ	Возраст				
	18–29 лет	30–39 лет	40–49 лет	50–59 лет	60 лет и старше
Интересует	7,8	13,4	13,8	14,9	15,1
В средней степени	33,2	34,7	36,7	39,6	23,4
Не интересует	59	51,9	49,5	45,5	61,5

Источник: ВЦИОМ, Проект «Советский человек», 1999. № 1. Выборка: 2000 человек.

ных отношений: молодые более толерантны в своем видении межпоколенных отношений, чем люди старших возрастов. Вместе с тем необходимо отметить, что либерализация молодежных взглядов не касается таких новых социальных проблем, как «люди кавказской национальности» и «бомжи». Относительно этих явлений «раздражение» молодежи даже выше, чем у людей старшего возраста. Это свидетельствует о том, что толерантность по отношению к политически окрашенным явлениям не совпадает с толерантностью по отношению к социально ущемленным группам населения (милосердием).

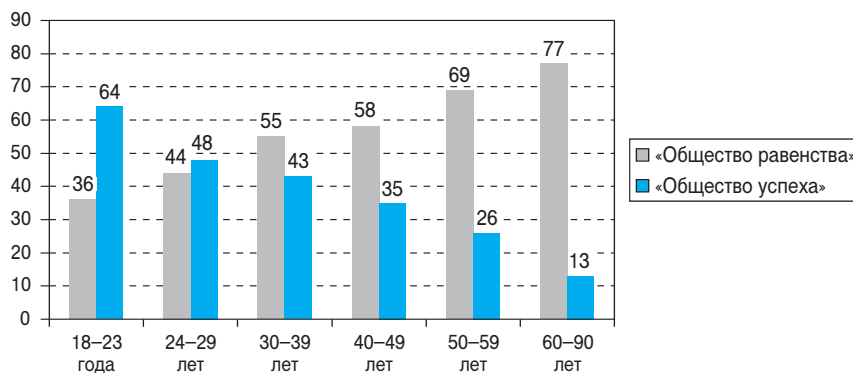
По степени интереса к политике и политической активности старшие поколения, воспитанные в рамках социалистического проекта, почти не различаются (таблица 7.5). Исключение составляет молодежная генерация, которая испытывает существенно меньший интерес к политическим проблемам, что является подтверждением общего движения общества в сторону деполитизации и «приватизации» социальной жизни.

Характерен и еще один обобщенный показатель общего вектора социального выбора поколений. При выборе «идеальной модели на будущее» между «обществом равенства» (коллективистский проект) и «обществом успеха» (индивидуалистический проект) все старшие возрастные группы выбирают социалистический проект — «общество равенства». Только те, кому 18–23 года, делают иной выбор: 64% против 36% людей этого возраста выбирает «общество успеха», тогда как «ближайшая» возрастная группа 24–29-летних колеблется между выбором одной из систем — 48:42%. Все более старшие группы отдают предпочтение социалистическому проекту «общества равенства» (рисунок 7.1).

Таким образом, на основании межпоколенного сравнения отслеживаются основные векторы социального движения общества — как движение в сторону большей толерантности, нормального состояния «приватизации» социальной жизни и в сторону общества достижительной ориентации, что характерно для любого демократического общества западного типа.

В целом поколенческая дифференциация современного российского общества является одним из наиболее существенных факторов социальной дифференциации. Фактически это стратификация общества по возрастному признаку, поскольку в одно время сосуществуют люди с далеко неоднородным социальным опытом, что значительно разводит их социальные установки и позиции. Является ли это базой для межпоколенных конфликтов в современном российском обществе?

Рисунок 7.1. В каком обществе вы хотели бы жить?

Источник: ВЦИОМ, Исследование по программе «Советский человек», 1999. Опрошено 2000 человек. В процентах к числу опрошенных в соответствующей группе. Цит. по: Седов Л. Проблема смены политических элит: поколение «пехт». Мониторинг общественного мнения. 2000. № 3. С. 24.

Межпоколенные отношения в современном обществе

С точки зрения межпоколенных отношений массовое социальное самочувствие возрастных когорт определяется в понятиях солидарности/конфронтации и зависит от преобладания одной или другой составляющей в системе их отношений. Поскольку ценностную матрицу всех более старших поколений (начиная с 30-летних) мы определили как общую, генетически относящуюся к так называемому социалистическому проекту, то в этом смысле социокультурная консолидация старших возрастных поколений яв-

ляется очевидной. Такая консолидация старших возрастных групп является основой для межпоколенной солидарности и стабильности на ближайшие годы.

Вместе с тем в общественном сознании преобладает мнение, что отношения между старшим поколением и молодежью за последние годы стали хуже, чем 10–15 лет назад. Так считает в среднем 59% опрошенных (таблица 7.6).

С одной стороны, за прошедшее десятилетие в целом усилился уровень конкурентности между различными социальными группами, в том числе и по возрастному признаку. В частности, это остро проявилось на рынке труда, где требования к рабочей силе четко коррелируют с возрастными характеристиками и на этой основе происходит дискриминация по возрастному принципу более зрелых и опытных по сравнению с более молодыми (вставка 7.2).

С другой стороны, старшие возраста более категоричны в своих оценках молодого поколения, чем молодые по отношению к старшим. Опросы показывают (таблица 7.1 Приложения) большую толерантность со стороны молодого поколения и более жесткую нетерпимость в отношении проблемы «отцов» и «детей» со стороны старших поколений. Эмоциональное отношение молодежи к 50-летним не только более позитивно, чем эмоциональные чувства в обратном направлении, но и характер оценок различен (рисунок 7.1 Приложения). Молодежь является для части «родителей» не только объектом «раздражения», но и объектом «страха» (13,3%). С одной стороны, этот страх является свидетельством естественного чувства конкурентности по отношению к следующей генерации, которая замещает все социальные позиции уходящего поколения (естественно поэтому, что в группе старше 60 лет ощущение этого страха перед молодым поколением несколько слабее, чем в группе 50–59-летних). С другой стороны, это свидетельствует о том, что иная культурная парадигма, которая, как мы говорили, нарастает с приходом молодого поколения и вызывает чувство отторжения со стороны старших (по принципу некоей социальной «фобии» по отношению к «чужому»), порождает социально-эмоциональную реакцию страха перед незнакомым, неведомым.

Таблица 7.6

Оценка изменений в межпоколенческих отношениях за последние 10–15 лет

Ответ	Возраст				
	18–29 лет	30–39 лет	40–49 лет	50–59 лет	60 лет и старше
Стали лучше	9,4	7,1	3,5	4,7	4,8
Стали хуже	47,6	57,7	58,7	62,9	66,6
Не изменились	33,2	29,7	30,2	24,3	20,4
Затрудняюсь ответить	9,8	5,5	7,6	8,1	8,2

Источник: Экспресс-16. ВЦИОМ, декабрь 1998. Выборка: 1600 человек.

Вставка 7.2

Пример типичного объявления о рабочих вакансиях в одной из газет:

Фирма производит набор работников со специальным образованием, опытом работы не менее 3–5 лет, в возрасте до 35–40 лет.

Таким образом, межпоколенный конфликт, о котором говорилось ранее, вырисовывается как несколько односторонний: более выраженное позитивное чувство уважения и симпатии молодых к старшим (как более толерантных и либеральных) при более интенсивной нетерпимости старших по отношению к молодежи. В понятиях межпоколенных контактов современную ситуацию можно обрисовать следующим образом: определенная солидарность между старшими поколениями общества при односторонней конфронтации всех более старших по отношению к молодому поколению. Самые молодые в данном случае скорее являются «объектом» межпоколенного конфликта, чем его «субъектом» или носителем протестных отношений.

Вместе с тем в ситуации разрушенной государственной системы социальной защиты в старости в общественном сознании межличностные сети взаимной поддержки, помощь детей и внуков остаются для старших поколений важнейшим источником материальной поддержки в старости (таблица 7.2 Приложения). Тогда как молодые вообще не рассчитывают на какую-либо помощь со стороны других и надеются только на себя (таблица 7.3 Приложения).

* * *

Подводя итог, можно сказать, что описанные «взрослые» поколения, несмотря на различия в историческом опы-

те и жизненном пути, инерционно находятся под влиянием «социалистического проекта», хотя его воздействие от поколения к поколению ослабевает. В культурологическом смысле старшие возрастные когорты традиционны и потому консолидированы. Наиболее молодая часть среднего поколения (30–40-летние) также тяготеет к этому проекту и даже испытывает некоторую ностальгию по нему. Хотя именно эта возрастная группа наиболее удачно из всех взрослых когорт адаптировалась к новой ситуации и добилась определенного успеха.

Внутри поколения «детей» колебание между традиционной и инновационной социокультурной моделью наиболее заметно, поскольку циклы их ранней социализации падают на разные социально-исторические ситуации. Обособление и специфические черты раннего социального опыта самой молодой группы (до 25 лет) позволяют предположить, что в рамках этой возрастной группы имеются предпосылки для формирования на его базе качественно иной социокультурной модели. Хотя одних предпосылок явно недостаточно. В данном случае речь идет об определенном социо-культурном потенциале поколения. Но говорить о формировании «нового поколения» можно только тогда, когда, помимо собственного потенциала, имеются также социальные возможности для его реализации.

В культурологическом смысле речь идет о возможном будущем противостоянии «старого» или «старых» поколений, консолидированных вокруг одной поколенческой модели и испытывающих в большей или меньшей степени ностальгию по прошлому, и «нового», формирующегося в условиях иной социальной практики. В современной ситуации социологические данные фиксируют только предрасположенность поколения «икс» к формированию на его базе «иной» социокультурной ориентации.

В связи с этим именно самую юную возрастную группу можно считать возможным источником межпоколенной

конфронтации в обществе. Подобная конфронтация существует пока в зачаточном состоянии, поскольку «новое поколение» еще находится на стадии вхождения во «взрослое» общество. Тем не менее его теперешние ориентации и социальные предпочтения являются основой для нарушения поколенческой консолидации более старших когорт.

Примечания

¹ Attias-Donfut C. Rappports de generations et parcours de vie // Colloque «Biographie et cycle de vie». 1989. С 5.

² Советский простой человек. Опыт социального портрета на рубеже 90-х. Под ред. Ю.А. Левады. М.: Мировой океан, 1993.

³ Изучению и описанию жизненного пути «поколения индустриализации» был посвящен долговременный проект исследовательского коллектива под руководством Ю.А. Левады.

⁴ Коровицына Н.В. Среднее поколение в социокультурной динамике Восточной Европы второй половины XX века. М.: Логос, 1999.

⁵ При аналогичном анализе поколений «дедов», «отцов» и «детей» в исследовании 1989–1994 годов под руководством Ю.А. Левады делался вывод, что между старшими возрастными группами не наблюдается открытого разлома ценностей или выбора противоположных ориентиров – лишь тенденция к поляризации предпочтений.

⁶ Хахулина Л.А. Динамика отношения к рыночной экономике (анализ молодежных когорт начала и конца 90-х годов) // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2001, № 1.

⁷ Константиновский Д.Л., Хохлушкина Ф.А. Формирование социального поведения молодежи в сфере образования // Социологический журнал. 1998, № 3/4; Магун В.С. Революция притязаний и изменение жизненных стратегий молодежи (1985–1995). М.: Институт социологии РАН, 1998.

⁸ Мониторинг ВЦИОМ, май 2001. Выборка: 2407 человек.

⁹ Левада Ю.А. От мнения к пониманию. М.: Московская школа политических исследований. 2000. С. 20–21.